

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Статья поступила в редакцию: 29.07.2026

Статья принята к публикации: 01.08.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 159.9:2 – 535

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23250

Магическое мышление в психологии: клинический ярлык, символическая логика и проблема скрытой магизации психотехник

Конкин Александр Сергеевич

врач-педиатр, клинический и семейный психолог, этнопсихолог, независимый исследователь

РФ, г. Москва

ORCID: 0009-0004-4258-0557

E-mail: i@akonkin.ru

Magical thinking in psychology: clinical label, symbolic logic, and the problem of hidden magization in psychotechniques

Konkin Alexander Sergeevich

Pediatrician, clinical and family psychologist, ethnopsychologist, independent researcher

Russia, Moscow

Аннотация

В статье рассматривается терминологическая проблема, связанная с понятием «магическое мышление» в современной психологической и психотерапевтической практике. Показано, что в клиническом дискурсе термин нередко используется как обобщающий и оценочный ярлык, обозначающий дезадаптивные, инфантильные или иррациональные формы связи между мыслью, словом, ритуалом и предполагаемым результатом. Вместе с тем анализ психотерапевтической практики и данных антропологии медицины демонстрирует, что многие психотехнические методы сами опираются на символ, образ, ритуал и веру в преобразующую силу действия, то есть на механизмы, структурно родственные тем, что в клинической традиции описываются как магическое мышление. На основе сопоставления клинических, психотерапевтических, антропологических и этнопсихологических источников предложено различать четыре уровня анализа феномена: клинический (дезорганизирующий), культурно-нормативный, психотехнический (терапевтически продуктивный) и эпистемологический — объясняющий, почему одни формы символического действия

Библиографическое описание: Конкин А.С. Магическое мышление в психологии: клинический ярлык, символическая логика и проблема скрытой магизации психотехник // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23250>

получают статус науки, а другие — статус магии. Обосновывается необходимость понятийного разведения и более точной атрибуции соответствующих феноменов вместо использования единого недифференцированного термина

Abstract

This article addresses a terminological problem associated with the concept of «magical thinking» in contemporary psychological and psychotherapeutic practice. It is shown that in clinical discourse the term is often used as a broad evaluative label denoting maladaptive, infantile, or irrational forms of connection between thought, word, ritual, and an assumed outcome. At the same time, analysis of psychotherapeutic practice and medical-anthropological data demonstrates that many psychotechnical methods themselves rely on symbol, image, ritual, and belief in the transformative power of action — mechanisms structurally related to those described in the clinical tradition as magical thinking. Drawing on clinical, psychotherapeutic, anthropological, and ethnopsychological sources, the article proposes distinguishing four levels of analysis of the phenomenon: clinical (disorganizing), culturally normative, psychotechnical (therapeutically productive), and epistemological — explaining why certain forms of symbolic action are granted the status of science while others are labeled magic. The article argues for a conceptual differentiation and a more precise attribution of these phenomena instead of relying on a single undifferentiated term.

Ключевые слова: магическое мышление, психотерапия, символическая эффективность, ритуал, этнопсихология, психотехника, клинический дискурс, культурная антропология, плацебо-эффект, символдрама.

Keywords: magical thinking, psychotherapy, symbolic efficacy, ritual, ethnopsychology, psychotechnique, clinical discourse, cultural anthropology, placebo effect, guided affective imagery.

Введение

Термин «магическое мышление» давно вышел за пределы узкой клинической диагностики и используется в самых разных контекстах: от описания обсессивных страхов и защитных копинг-стратегий до анализа детского восприятия действительности, рекламных технологий и духовных практик [4; 5; 6; 17]. В результате понятие утратило терминологическую строгость и одновременно выполняет функции объяснительного конструкта, диагностического критерия и оценочного, стигматизирующего ярлыка.

Особенно заметно данное противоречие в психотерапевтической практике. С одной стороны, специалист нередко квалифицирует веру клиента в действенность ритуала, приметы или символического действия как проявление магического мышления — признак незрелости, тревожного контроля или искажённой картины причинности [1; 2; 8]. С другой стороны, сама психотерапия систематически использует образы, метафоры, ритуализированные форматы взаимодействия и символические действия, которым приписывается реорганизирующий, терапевтический эффект [7; 9; 10; 16]. Возникает исследовательский вопрос: является ли магическое мышление клинической аномалией, культурно-нормативной формой организации опыта или скрытой структурной основой ряда психотехнических практик?

Актуальность ответа на этот вопрос обусловлена не только теоретическими, но и практическими соображениями. Чрезмерно широкое употребление термина стирает различие между патологическим, культурно нормальным и профессионально продуктивным использованием символической причинности, превращая аналитическую категорию в оценочную метку. Цель настоящей статьи — на основе анализа клинической, психотерапевтической, антропологической и этнопсихологической литературы обосновать необходимость понятийного разведения уровней употребления термина «магическое мышление» и предложить более точную атрибуцию соответствующих феноменов.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации по клинической психологии, психотерапии, антропологии медицины, когнитивной психологии развития и этнопсихологии, посвящённые проблеме магического мышления, символической эффективности ритуала и плацебо-реакций [1–18]. Методологическую основу работы составили теоретический анализ и систематизация научной литературы, сравнительно-понятийный анализ клинического, психотехнического и культурно-антропологического употребления термина «магическое мышление», а также элементы междисциплинарного (кросс-контекстного) синтеза, позволяющего сопоставить данные разных исследовательских традиций в рамках единой концептуальной рамки. Отбор источников производился по критерию прямого отношения к трём тематическим узлам: (1) клинико-психологические исследования магического мышления и его связи с тревожными и обсессивно-компульсивными феноменами; (2) исследования символической и ритуальной составляющей психотерапевтических методов; (3) антропологические и этнопсихологические работы об эффективности ритуального врачевания и плацебо-реакции. Дополнительным источником иллюстративного материала послужили рефлексивные наблюдения автора, полученные в рамках клинической и междисциплинарной супервизионной практики; данные наблюдения носят иллюстративный, а не самостоятельно-эмпирический характер и приводятся для демонстрации прикладной значимости предложенной четырёхуровневой модели.

1. Клиническое значение термина

В клинической традиции магическое мышление обычно определяется как убеждение в том, что мысли, слова, жесты или ритуальные действия способны прямо и без промежуточных причинных звеньев влиять на внешнюю реальность [6]. Классические примеры такого мышления — иллюзорная связь между мыслью о несчастье и его наступлением, вера в необходимость повторения действия определённое число раз для предотвращения беды, убеждённость в решающей силе произнесённой формулы. В психопатологии подобные феномены традиционно связывают с тревожными, обсессивно-компульсивными и шизотипическими проявлениями [8; 8].

Так, исследования показывают, что уровень магического мышления и связанного с ним феномена «слияния мысли и действия» (thought-action fusion) статистически связан с выраженностью отдельных симптоматических измерений обсессивно-компульсивного

расстройства и отдельными чертами шизотипии [8], а когнитивные модели ОКР рассматривают дисфункциональные убеждения об «особой» причинной силе мысли как один из центральных механизмов поддержания симптоматики, в том числе в детском и подростковом возрасте [8]. Отечественные клинические исследования также фиксируют выраженное магическое мышление как один из механизмов психологической защиты и совладания у лиц с эндогенными психическими расстройствами и невротическими проявлениями, показывая его связь с тревогой, ощущением утраты контроля и потребностью в предсказуемости [1; 2].

Вместе с тем сама клиническая дефиниция не является ценностно нейтральной: она заранее фиксирует норму, согласно которой реальность мыслится исключительно как сфера каузальностей, признанных научной рациональностью, а всё, что выходит за эти пределы, автоматически маркируется как иррациональное или патологическое. Показательно, что современные исследования магического мышления у клинически здоровых взрослых свидетельствуют: магическое мышление не исчезает с возрастом, а трансформируется, сохраняясь в латентной форме и активизируясь в ситуациях высокой неопределённости, угрозы или личной значимости события [4; 17]. Это ставит под сомнение представление о магическом мышлении как об исключительно детской или патологической форме познания и требует более дифференцированного взгляда на феномен.

2. Символическая логика психотерапии

Парадокс современной психотерапии состоит в том, что она нередко критически оценивает магическое мышление клиента, хотя сама систематически опирается на сходные по структуре механизмы символического воздействия [7; 9]. Символ в психотерапии выполняет ряд устойчивых функций: он способствует осознанию смысла симптома, организует «настройку» клиента на процесс терапии через символические роли, ритуалы и специально организованное пространство взаимодействия, а также порождает значимый, событийный опыт, приводящий к переосмыслению проблемной ситуации [7].

Юнгианский анализ, кататимно-имагинативная психотерапия (символдрама), психодрама, телесно-ориентированные и системные подходы используют не только вербальное объяснение, но и образ, сцену, ритуализированное действие как средство психологической трансформации [7; 9; 10]. Э. Гудвин (E. Goodwyn) описывает психотерапию как одну из немногих сохранившихся в развитых обществах «ритуальных технологий», отмечая, что современная западная культура во многом утратила регулярное использование ритуала как психофизиологического инструмента, тогда как юнгианская традиция благодаря опоре на символ создаёт условия для его естественного возвращения в терапевтический процесс [9]. В другой работе показано, что спонтанная символическая продукция клиента в терапии имеет универсальные, телесно обусловленные основания, что позволяет описывать символическую работу не как иррациональный довесок к «настоящей» терапии, а как закономерный и объяснимый компонент психотехнического процесса [10].

Данное наблюдение согласуется с более широким тезисом о том, что психотерапия по своей природе является «миром смыслов»: её эффективность в значительной степени опосредована трансформацией значения, которое клиент придаёт своему состоянию, себе и своим отношениям, а не только специфическими техническими интервенциями [16]. Из

этого следует важный методологический вывод: когда терапевт называет магическим мышлением веру клиента в действенность символического акта, он часто не замечает, что сам пользуется структурно родственным механизмом — с той разницей, что этот механизм институционально легитимирован, теоретически отрефлексирован и включён в профессиональную рамку.

3. Ритуальная эффективность и данные медицинской антропологии

Дополнительным аргументом в пользу пересмотра клинично-центричного понимания магического мышления служат данные медицинской антропологии и исследований эффекта плацебо. Т. Кэптчук (Т. Kaptchuk), сопоставляя ритуалы навахо, акупунктуру и биомедицинское лечение, показывает, что ритуал врачевания создаёт восприимчивого к культурно санкционированным «силам» субъекта: целитель предоставляет пациенту воображаемый, эмоциональный, сенсорный и эстетический материал, воплощённый в осязаемых символах и процедурах, тем самым связывая индивидуальный нарратив болезни с более широким культурным мифом [12]. В более раннем клиническом обзоре тот же автор приходит к выводу, что плацебо-эффект правомерно рассматривать не как «неспецифический» побочный продукт лечения, а как специфический эффект символически насыщенного ритуала врачевания [13].

Л. Кирмайер (L. Kirmayer), опираясь на классическую модель Дж. Франка (J. Frank), отмечает, что все системы врачевания — от традиционного шаманизма до биомедицины — включают теорию недуга, определённые роли пациента и целителя, отграниченное время и место процедуры, а также специфические символические действия, которым приписывается целительная эффективность [14; 15]. С этой точки зрения эффективность конкретной практики врачевания невозможно свести исключительно к фармакологическому или биомеханическому компоненту: значительная часть терапевтического результата обеспечивается социальными и символическими процессами, сопровождающими лечение [14; 15].

Важно, что данная закономерность не ограничивается традиционными или альтернативными практиками. Систематические обзоры показывают, что вовлечение в структурированные символические действия — включая обучение фокусам как форме контролируемой, безопасной «магии» — способно оказывать измеримое положительное влияние на субъективное благополучие, самоэффективность и когнитивные функции [18]. Иными словами, символически организованное действие обладает собственной психологической эффективностью независимо от того, называется ли оно «ритуалом», «техникой» или «магией» — граница между этими обозначениями чаще определяется институциональным и культурным статусом практики, а не структурой самого механизма воздействия.

4. Этнопсихологический взгляд

Для этнопсихологии и антропологии магическое мышление представляет интерес не как когнитивная ошибка, а как способ культурной сборки мира. Обзор этнопсихологической традиции — от Б. Малиновского и Дж. Фрэзера до С. Тамбиа и К. Леви-Стросса —

показывает устойчивую линию исследований, в которых символическая, перформативная причинность рассматривается как закономерная и функциональная форма организации социального и психического опыта, а не как её дефект [11]. В традиционных обществах связь между словом, знаком, действием и событием редко осмысливается по модели механической причинности: человек включён в сеть символических отношений, где образ, жест, имя и вещь связаны не метафорически, а действенно.

С этой позиции современная академическая психология нередко демонстрирует культурную асимметрию: она склонна маркировать как «магическое» всё, что выходит за пределы её собственной рациональной нормы, хотя сама опирается на символические схемы, которые в иной культурной среде были бы описаны как ритуальные [11]. Экспериментальные и обзорные работы Е.В. Субботского подтверждают, что магическое мышление не является исключительно архаичным или детским феноменом: оно сохраняется у образованных взрослых в латентной форме, выполняет функции реализации нереализованных желаний, регуляции тревоги и совладания с неопределённостью и активизируется именно в ситуациях высокой личной значимости происходящего [4; 17]. Показательны и данные о том, что склонность к магическому мышлению связана с определёнными личностными особенностями (в том числе ригидностью) у лиц, разделяющих эзотерические убеждения, что указывает на системный, а не случайный характер этой формы мышления в структуре личности [3].

Такой подход особенно продуктивен для междисциплинарного поля, где психология пересекается с антропологией, этнографией и исследованиями духовных традиций. В этих зонах неразличённое употребление термина «магическое мышление» рискует превратиться в инструмент дисквалификации иной культурной или мировоззренческой традиции вместо того, чтобы стать поводом для анализа её внутренней логики.

5. Необходимость понятийного разведения

Обобщение рассмотренных данных позволяет утверждать, что задача состоит не в отказе от термина «магическое мышление», а в прекращении его использования как унифицированного, недифференцированного ярлыка. На основе проведённого анализа целесообразно выделять четыре уровня рассмотрения феномена.

Во-первых, клинический уровень, на котором речь идёт о дезадаптивных, тревожно обусловленных формах магического мышления, связанных с искажённой оценкой причинности и наблюдаемых, в частности, при обсессивно-компульсивных, тревожных и некоторых иных расстройствах [1; 2; 8; 8].

Во-вторых, культурно-нормативный уровень, на котором символическая причинность выступает как разделяемая внутри группы, исторически устойчивая форма мировосприятия, не являющаяся признаком патологии [4; 11; 17].

В-третьих, психотехнический уровень, на котором символ, образ и ритуал сознательно и профессионально используются как средства психологической трансформации, обладающие собственной, эмпирически фиксируемой эффективностью [7; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 18].

В-четвёртых, эпистемологический уровень, на котором исследуется вопрос о том, почему одни формы символического действия получают институциональный статус науки или терапии, а другие — статус магии, притом что структурное сходство механизмов может быть весьма значительным [9; 11; 14].

Наблюдения автора в рамках клинических и междисциплинарных супервизионных групп показывают, что на уровне профессионального дискурса нередко происходит подмена понятий: клинический термин «магическое мышление» используется для обозначения любых форм символической каузальности, возникающих в работе с клиентом, включая культурно-нормативные и психотехнически организованные ритуальные действия. В супервизионных обсуждениях терапевтически продуктивные формы символической работы — от ритуализированных практик саморегуляции до опоры на культурно укоренённые образы — нередко получают стигматизирующую маркировку магического мышления, тогда как рефлексия их структурной и культурной специфики оказывается вытесненной. Переход от языка «магического мышления» к языку «символической каузальности» в этих контекстах позволяет специалистам точнее различать клинически дезорганизующие убеждения о всеисильности мысли, культурно-нормативные ритуальные практики и профессионально спроектированные психотехнические процедуры, снижая риск стигматизации и обеспечивая более нюансированный анализ феномена в рамках предложенной четырёхуровневой модели.

Именно четвёртый уровень представляется наиболее продуктивным для современной психологии, поскольку он смещает фокус с вопроса об «истинности» той или иной практики на вопрос об институциональном признании, языке описания и культурном статусе символического действия. Такое различие позволяет избежать как наивной апологии всякой ритуальности, так и редукционистского сведения любой символической работы к расстройству мышления.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что термин «магическое мышление» нуждается в понятийной ревизии. В современном психологическом и психотерапевтическом дискурсе он слишком часто используется как обобщающая оценочная категория, скрывающая существенные различия между клинической патологией, культурной нормой и профессионально организованной символической эффективностью. При этом психотерапия сама систематически опирается на механизмы, структурно родственные тем, что критикуются у клиента как проявления магического мышления: веру в преобразующую силу символического действия, ритуализированное изменение состояния, работу с образом и смысловой репрезентацией [7; 9; 10; 12; 13; 16].

Более продуктивной стратегией представляется не противопоставление «рациональной терапии» и «магического мышления», а последовательное разведение клинически дезорганизующих форм символической каузальности, культурно-нормативных форм и психотехнически используемых, терапевтически продуктивных форм. Предложенная четырёхуровневая модель (клинический, культурно-нормативный, психотехнический и эпистемологический уровни) может служить рабочим инструментом для дальнейших теоретических и эмпирических исследований на стыке клинической психологии,

психотерапии, этнопсихологии и антропологии медицины, а также способствовать более точной и культурно чувствительной атрибуции феноменов, традиционно объединяемых понятием «магическое мышление».

Список литературы

1. Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Исследование магического мышления у лиц с эндогенными психическими заболеваниями [Электронный ресурс]. // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php (дата обращения: 25.07.2026).
2. Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 4. – DOI: 10.14529/jpps210401.
3. Лисецкая Н.В. Взаимосвязь личностных особенностей и ригидности с уровнем магического мышления у лиц, верящих в эзотерику // Научное мнение. – 2025. – № 6. – DOI: 10.25807/22224378_2025_6_160.
4. Субботский Е.В. Неизбежность магического: от теории Пиаже до рекламы // Национальный психологический журнал. – 2026. – Т. 21, № 3. – DOI: 10.11621/nprj.2026.0302.
5. Суворова О.В., Кочеганова П.П. Магическое мышление как копинг-стратегия личности: социокультурный и онтогенетический аспекты [Электронный ресурс]. // Нижегородский психологический альманах. URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/24-r272> (дата обращения: 25.07.2026).
6. Фархутдинова Ю.Н. Психологический анализ проблемы магического мышления [Электронный ресурс]. // Нижегородский психологический альманах. URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/37-r379> (дата обращения: 25.07.2026).
7. Цыбуля В.И. Функции символа в психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – № 2. – DOI: 10.29399/npa.28635.
8. Cervin M. McNeel M.M., Wilhelm S., McGuire J.F., Murphy T.K., Small B.J., Geller D.A., Storch E.A. Cognitive Beliefs Across the Symptom Dimensions of Pediatric Obsessive-Compulsive Disorder: Type of Symptom Matters // Behavior Therapy. – 2022. – DOI: 10.1016/j.beth.2021.08.001.
9. Goodwyn E. Rediscovering the ritual technology of the placebo effect in analytical psychology // Journal of Analytical Psychology. – 2017. – № 3. – DOI: 10.1111/1468-5922.12315.
10. Goodwyn E. Understanding Spontaneous Symbolism in Psychotherapy Using Embodied Thought // Behavioral Sciences. – 2024. – Т. 319, № 4. – DOI: 10.3390/bs14040319.
11. Irimia A. Bureaucratic Sorceries in The Third Policeman: Anthropological Perspectives on Magic and Officialdom // The Parish Review. – 2022. – DOI: 10.16995/pr.7662.

12. Kaptchuk T.J. Placebo studies and ritual theory: a comparative analysis of Navajo, acupuncture and biomedical healing // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2011. – № 1572. – DOI: 10.1098/rstb.2010.0385.
13. Kaptchuk T.J. The Placebo Effect in Alternative Medicine: Can the Performance of a Healing Ritual Have Clinical Significance? // *Annals of Internal Medicine*. – 2002. – № 11. – DOI: 10.7326/0003-4819-136-11-200206040-00011.
14. Kirmayer L.J. The Cultural Diversity of Healing: Meaning, Metaphor, and Mechanism [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621226/> (дата обращения: 25.07.2026).
15. Kirmayer L.J. Unpacking the Placebo Response: Insights from Ethnographic Studies of Healing [Electronic resource]. URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/mbr/article/download/15993/12649/52314> (дата обращения: 25.07.2026).
16. Locher C., Meier S., Gaab J. Psychotherapy: A World of Meanings // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Т. 460. – DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00460.
17. Subbotsky E. The Belief in Magic in the Age of Science // *SAGE Open*. – DOI: 10.1177/2158244014521433.
18. Wiseman R., Watt C. Achieving the impossible: a review of magic-based interventions and their effects on wellbeing // *PeerJ*. – 2018. – DOI: 10.7717/peerj.6081.

References

1. Bajramova E.E., Enikolopov S.N. [Investigation of Magical Thinking in Individuals with Endogenous Mental Disorders] // *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*. (data obrashcheniya: 25.07.2026) (In Russ.). – URL: http://medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php. (accessed 08.08.2026)
2. Bajramova E.E., Enikolopov S.N. [Magical Thinking and Belief in Magic in the Structure of Psychological Defense Mechanisms and Coping Strategies] // *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*. – 2021. – Т. 14, № 4. – DOI: 10.14529/jpps210401.
3. [Interrelationship of Personality Traits and Rigidity with the Level of Magical Thinking in Individuals Believing in Esotericism] // *Nauchnoe mnenie*. – 2025. – № 6. – DOI: 10.25807/22224378_2025_6_160.
4. [The Inevitability of the Magical: From Piaget's Theory to Advertising] // *Natsionalnyj psikhologicheskij zhurnal*. – 2026. – Т. 21, № 3. – DOI: 10.11621/npj.2026.0302.
5. Suvorova O.V., Kocheganova P.P. [Magical Thinking as a Personal Coping Strategy: Sociocultural and Ontogenetic Aspects] // *Nizhegorodskij psikhologicheskij al'manakh*. (data obrashcheniya: 25.07.2026) (In Russ.). – URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/24-r272>. (accessed 08.08.2026)
6. [Psychological Analysis of the Problem of Magical Thinking] // *Nizhegorodskij psikhologicheskij al'manakh*. (data obrashcheniya: 25.07.2026) (In Russ.). – URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/37-r379>. (accessed 08.08.2026)

7. [Functions of Symbol in Psychotherapy] // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. – 2024. – № 2. – DOI: 10.29399/npa.28635.
8. Cervin M. McNeel M.M., Wilhelm S., McGuire J.F., Murphy T.K., Small B.J., Geller D.A., Storch E.A. Cognitive Beliefs Across the Symptom Dimensions of Pediatric Obsessive-Compulsive Disorder: Type of Symptom Matters // Behavior Therapy. – 2022. – DOI: 10.1016/j.beth.2021.08.001.
9. Goodwyn E. Rediscovering the ritual technology of the placebo effect in analytical psychology // Journal of Analytical Psychology. – 2017. – № 3. – DOI: 10.1111/1468–5922.12315.
10. Goodwyn E. Understanding Spontaneous Symbolism in Psychotherapy Using Embodied Thought // Behavioral Sciences. – 2024. – Т. 319, № 4. – DOI: 10.3390/bs14040319.
11. Irimia A. Bureaucratic Sorceries in The Third Policeman: Anthropological Perspectives on Magic and Officialdom // The Parish Review. – 2022. – DOI: 10.16995/pr.7662.
12. Kaptchuk T.J. Placebo studies and ritual theory: a comparative analysis of Navajo, acupuncture and biomedical healing // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2011. – № 1572. – DOI: 10.1098/rstb.2010.0385.
13. Kaptchuk T.J. The Placebo Effect in Alternative Medicine: Can the Performance of a Healing Ritual Have Clinical Significance? // Annals of Internal Medicine. – 2002. – № 11. – DOI: 10.7326/0003-4819-136-11-200206040-00011.
14. Kirmayer L.J. The Cultural Diversity of Healing: Meaning, Metaphor, and Mechanism [Electronic resource]. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621226/> (accessed 08.08.2026) (дата обращения: 25.07.2026).
15. Kirmayer L.J. Unpacking the Placebo Response: Insights from Ethnographic Studies of Healing [Electronic resource]. – URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/mbr/article/download/15993/12649/52314> (accessed 08.08.2026) (дата обращения: 25.07.2026).
16. Locher C., Meier S., Gaab J. Psychotherapy: A World of Meanings // Frontiers in Psychology. – 2019. – Т. 460. – DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00460.
17. Subbotsky E. The Belief in Magic in the Age of Science // SAGE Open. – DOI: 10.1177/2158244014521433.
18. Wiseman R., Watt C. Achieving the impossible: a review of magic-based interventions and their effects on wellbeing // PeerJ. – 2018. – DOI: 10.7717/peerj.6081.